

Таня Туманная

ПУСТЫННАЯ ОРХИДЕЯ

Таня Туманная

Пустынная орхидея

<https://litres.ru/73836042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сила, дерзость и храбрость - мужские добродетели, кротость и милосердие - женские. Так считают в Арадоне, в одном из последних государств, что еще хранит верность давно спящим Старым Богам. Судьба принцессы Маали в полной мере устраивала ее, но изменилась в один день из-за исчезновения сестры. Теперь вместо свадьбы с кузеном и предсказуемой жизни на родине принцессу ждет долгая дорога, чуждая страна и супруг, чей характер не отличается мягкостью.

Что делать не одаренной в государстве магов? Как добиться правды, не имея ни сил, ни власти?

И как быть, если даже собственное сердце и отказывается быть покорным?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	55
Глава 5	69
Глава 6	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Таня Туманная

Пустынная орхидея

Название: Пустынная орхидея

Автор(-ы): Таня Туманная

Ссылка: <https://author.today/work/506657>

Глава 1

Я стояла у окна, наблюдая за суетой во внутреннем дворе замка. Она должна была быть праздничной, но быстро скатилась в паническую.

Накануне мостовую начисто вылизали слуги. Убрали мусор и тряпье, отскребли остатки лошадиного навоза, выгнали собак и развесили чистые, тщательно выстиранные флаги. Дворцовая стража - рослые, гладко выбритые мужчины в блестящих кирасах несколько дней репетировали торжественный прием, что должны были оказать Императору Ониксовой Империи.

Полчаса назад больше половины стражников уехало в город. Другие закрыли ворота и тщательно прочесывали замок в компании слуг, одетых в праздничные ливреи.

В тени цветущих киви топтались растерянные музыканты. Уходить восвояси им запретили - вдруг все-таки понадобятся, но даже воды принести не удосужились.

Надо бы распорядиться, чтобы о них позаботились.

Я позволила себе тяжело вздохнуть. Моя сестра всегда была эгоисткой.

Обычно родители балуют малышей, но в нашей семье всё было наоборот. Наши родители — императорская чета Арадона, долго не могли завести ребёнка. Так бывает в нашем роду, когда брак заключают с чересчур близкими родствен-

никами. В иных семьях подобное оканчивается рождением уродов, а у нас лишь трудностями с зачатием. В худшем случае Старые Боги могли и вовсе не подарить паре наследников. С одной стороны, это было благом — я всегда с брезгливостью читала о правящих родах иных держав, кто, спустя пару столетий кровосмешения, начинал плодить калек и уродов. С другой стороны, стране нужна была наследница. Очень, очень нужна. Её отсутствие было воистину катастрофой.

Спустя шесть лет бесплодного брака, эта катастрофа казалась всё более и более вероятной.

Война, завершившаяся всего за два года до брака моей матери, изрядно проредила мужские ряды нашей семьи.

Трон и имущество в правящем роду Арадона передавались по женской линии — так приказала первым людям Алия — Богиня Неба и Звёзд, Создательница людей и иных богов. Власть, однако, была делом мужским. И как Алия передала царский скипетр своему божественному супругу — повелителю войны Хафте, также и женщины нашей семьи отдавали власть своим наречённым.

Без неё он бесправен. Без него она бессильна. Так выглядела гармония. Никто в нашем роду никогда не правил в одиночку. Моей матери, унаследовавшей страну от бабушки, нужен был супруг. В иных обстоятельствах мы часто рождались с другими семьями Старой Крови, но Императора для наследницы требовалось выбирать из своих. Из мужчин, имев-

ших характер и силы править, остались в живых лишь мой отец — кузен матери, и её собственный брат-близнец. Союз с близнецом почти никогда не позволял завести детей. А времени дожидаться, пока в силу войдут подрастающие мальчики, не было у матери.

Говорят, рождение моей сестры праздновали так, как не отмечали даже конец войны с Ониксовой Империей. Меня тогда ещё не было. Я родилась ещё спустя пять лет, через два года после рождения моего брата.

Сетьяра — Сети, как называли её домашние, росла бойкой, смелой и непоседливой. Ни один из этих эпитетов не является комплиментом. Сила, дерзость, храбрость и настойчивость — мужские добродетели, достоинства воина. Кротость и милосердие, внимательность и верность долгу — женские. Наша гордость — продолжение дела Богини-Создательницы.

Сети никогда не могла с этим смириться. Избалованная слепым обожанием родителей, она всегда делала лишь то, чего хотела. Пропускала занятия, сбегала из замка, дразнила брата и провоцировала на грубость чиновников. Когда родители осознали, что сотворило их необдуманное воспитание, менять характер сестры было уже поздно.

К счастью, в Арадоне не существует условностей, связанных с первородством. Правящая Императрица сама выбирает свою наследницу. Когда мать поняла, что Сети безнадежна, она переписала завещание в мою пользу. Первой реакци-

ей Сети было облегчение. Но уже через несколько лет ситуация изменилась.

Недавняя война с Ониксовой Империей завершилась ни хорошо ни плохо. Альянс, собранный Арадоном, так не сумел добиться полной капитуляции противника. Ониксовая Империя оставила большую часть захваченных земель, но вынудила нас добавить в мирный договор пункт о династическом браке. Когда на Ониксовый трон сядет новый Император, наша семья отправит ему невесту Старой Крови.

Долгое время родители жили надеждой, что выполнять обещание не придётся. Ониксовая Империя славилась своей жёсткой магократией. Власть в ней не передавалась по наследству — она добывалась в бою и интригах, закалялась в недрах Ониксового Лабиринта. Сын нынешнего Императора имел все шансы остаться не у дел, если проиграет конкуренцию другому аристократу, или если не пройдёт Лабиринт.

Раз в пару столетий в Ониксовой Империи случается кризис власти. Претенденты, пользующиеся поддержкой аристократии, погибают в Лабиринте, а прошедшие его не могут добиться популярности в свете. Образуются множественные коалиции и, с последним вздохом старого Императора, Империя взрывается гражданской войной. Во время прошлой междоусобицы соседи потеряли плоскогорья, граничащие с Арадоном, и до сих пор не сумели вернуть их обратно.

Учитывая, как много сильных магов погибло в недавней войне, родители имели все шансы проигнорировать претен-

зии ослабленного соседа, а то и снова напасть на него, расширив свои владения.

Арон ал'Лиланте, принявший титул Императора два года назад, стал для нас неприятным сюрпризом. Политика неженское дело, и потому меня не посвящали глубоко в её хитросплетения, однако, даже по отрывистым разговорам, услышанным на балах, я поняла, что от второго сына Императора мало кто ожидал такой прыти.

И всё же он пришёл к власти, не допустив раздробленности. Нарушение договора означало бы объявление войны, а конфликт с единой Ониксовой Империей нам сейчас был не нужен.

У родителей было две дочери. Им не оставалось ничего иного, кроме как пообещать Ониксовому Императору Сети.

Стоило догадаться, что сестра не способна на подобную жертву.

- Что там? — спросила я у служанки.

Девушка опустила глаза, замялась, словно я имела привычку бить её за дурные новости.

Сети иногда срывалась на слугах - сказывался огнеопасный нрав. Я никогда.

Я выразительно молчала, и служанка, наконец, заговорила:

- Ваш отец-Император в комнатах вашей матери. Я слышала крики... Я видела, как всадников послали в город и к реке. Служанку вашей сестры увели в подземелья, — закон-

чила она полушёпотом, но по глазам я видела, что это было ещё не всё.

- Продолжай.

- И её старую няньку, а ещё учителя верховой езды и тех бардов, с которыми она гуляла в саду на прошлой неделе. И я слышала крики оттуда.

Помолчав мгновение, служанка добавила:

- Ваш отец-Император ищет Сети, но стражники шептались, что сбежала она, скорее всего, ещё вчера и если не дурра, то прокралась на какой-нибудь корабль в порту. И если так, то найти её быстро не сумеют.

Меня укололо беспокойство. Взбалмошная, безответственная и эгоистичная, но Сети была моей сестрой. Мой старшей, горячо любимой сестрой.

- Как думаешь, с ней всё будет хорошо?

Служанка отвела глаза.

- Это будет зависеть от милости Императора.

Я думала не об этом. Для девушки, которую поймают на своём корабле моряки, существовали угрозы куда более насущные, нежели гнев преданного отца.

Но говорить об этом я не стала.

«Тайник» — вспомнилось мне, — «наш тайник».

Лет пять назад — мне тогда было двенадцать, а Сети недавно отпраздновала своё семнадцатилетие, — сестра начала убегать из замка в ближайший лес. Она брала меня с собой несколько раз, но, чаще всего, я оставалась в постели.

Мне было слишком страшно нарушать родительские запреты.

В первый раз, когда Сети позвала меня с собой, она показала мне тайник, сделанный в стене конюшни. В стойле одной из лошадей за съёмной доской сестра прятала драный плащ и мягкие сапоги, позволяющие почти бесшумно шагать по каменному полу. Там же лежала уздечка для её коня — амуницию конюх на ночь убирал в комнату, где спал сам. И кинжал. Сестра выводила одну из лошадей и была такова.

Интересно, не там ли она складывала припасы для побега?

Сейчас это было неважно. Отец не найдёт Сети быстро, а Ониксовый Император должен получить свою невесту. Я знала, что выбора нет.

Моя атур был синим в цвет моего платья. Цвет Хеффри — богини рек, озёр и девушек до замужества. Платье было в меру свободным и расшитым растительным орнаментом. Его длинные рукава и подол, слегка волочились по земле.

Невозможно было быстро бежать по лестнице в таком платье. Спрятав руки в рукавах и глубоко опустив голову, я шла небольшими, частыми шажками, даже носку туфли не позволяющими показаться из-под подола. Это тоже было неприлично.

По пути служанка продолжала шептать мне:

- Я слышала, что Ониксовый Император в ярости. Его послали в гостевые покои под предлогом отдыха после дороги, но вы же знаете традиции. Это так вызывающе...

Я прикусила губу изнутри. Это не вызывающе — это очевидное оскорбление. Невеста обязана была встретить прибывшего жениха у ворот как по нашим, так и по их традициям. Уверена, Император знает это. И уже понял, что что-то пошло не так.

«Вздорная эгоистка», — мысленно костерила я сестру, отчаянно ища пути решения проблемы.

Иные пути кроме того, что сразу же пришёл мне в голову. Чересчур очевидного.

Служанка распахнула передо мной тяжёлую дубовую дверь родительских покоев. Мать сидела на невысоком диванчике, а отец стоял у окна и постукивал пальцами по стеклу. Брат матери — ближайший советник отца, сидел в кресле рядом с ней.

Я зашла в комнату. Служанка осталась с той стороны. Когда за ней закрылась дверь, мать вернула руку на круглый живот и едва заметно поморщилась. Я подошла к ней и опустилась на колени рядом, как бывало в детстве. Спросила обеспокоенно:

- Как вы, Ваше Императорское Величество?

Она улыбнулась натянуто.

- Всё будет хорошо, дорогая.

Отец подошёл, нависнув над нами обеими:

- Есть ли у тебя догадки, где может находиться твоя сестра?

- Нет, Ваше Императорское Величество, — покачала я го-

ловой, не поднимая на отца глаз. По здравому размышлению, ни мне — младшей на четыре года, нести ответственность за старшую сестру. Однако сейчас я ощущала себя так, будто это я с чем-то не справилась.

- Малолетняя дрянь.

Я вздрогнула, да и мать, как мне показалось, тоже. Никогда прежде отец не употреблял при нас таких выражений. И никогда его голос не звучал столь зло.

- Она не могла убежать далеко всего за ночь, — успокаивающе заговорил дядя, — и навряд ли сумела выбраться за границы города. Мы скоро её найдём.

- «Скоро» — это слишком поздно, Анвар! — повысил голос отец, — Ониксовый Император в ярости. Я тоже был бы в ярости на его месте. Мы должны предоставить ему невесту к началу бала, если не хотим серьёзных последствий.

«Остановите меня, пожалуйста», — просила я мысленно, перебирая пальцами подол маминого платья. Фиолетовый — императорский цвет, золотой — цвет Алии. Хотелось посмотреть на отца, но почему-то мне было страшно. Сети поставила нас на грань катастрофы, и я ощущала себя обязанной исправить её ошибку.

Наконец, я подняла глаза.

- У вас больше одной дочери, Ваше Императорское Величество.

- Императору обещана Сети, — обеспокоенно возразила мать. В её голосе звучал испуг и растерянность.

- Ему нужна невеста Старой Крови, — покачал головой Анвар и посмотрел на меня одобрительно, — он согласится на любую подходящую по возрасту.

«Дядя уже думал об этом варианте», — осознала я. Только вслух высказать не решился, опасаясь гнева родителей. Теперь это сделала я.

- Маали — моя наследница, — смотрела мать брату прямо в глаза, — ты хочешь видеть на её месте Сети?

- Звездочёт клялся, что в твоём чреве девочка, — задумчиво заговорил отец. И Анвар, и мать посмотрели на него. В конечном счёте именно за Императором будет последнее слово.

«Нет, пожалуйста».

- Звездочёт мог ошибиться.

- Тогда тебе наследует дочь Анвара, — махнул отец рукой так, будто дело было уже решённым.

- Почему бы нам не предложить ему дочь Анвара? — отчаянно предложила мать. — Он согласится, если его интересуется лишь её Кровь.

- Ей одиннадцать, — возразил Анвар, — она мала ещё быть невестой. Иметь дочь подходящего возраста, но потребовать от Императора дожидаться Лоамы — хамство.

Я подняла глаза на отца. Он смотрел на меня одобрительно. Смотрел с гордостью.

Гортань сжало желанием расплакаться, но я удержала его внутри. Я знала, что поступаю правильно. Я сама предложи-

ла наилучшее решение. Я не стала дожидаться, пока выбор сделают за меня. Только так и может поступить принцесса.

- Это всё равно выглядит дурно, если мы заменим невесту в последний момент, — сдалась, судя по её тону, мать. Чего и следовало ожидать: разве могла она спорить с отцом?

Тем более, когда занять место Сети предложила я сама.

Тем более, когда иных вариантов не было.

Смешно, наверное, было надеяться, что меня остановят. И грешно. Показное великодушие, жертва, которую ты готова отдать лишь на словах — это даже звучало недостойно. Но в тот миг, когда вопрос был уже решён, я осознала, что надеялась именно на это. На чудо. На то, что мои родные поставят меня выше долга и благополучия страны.

Грешно. Я была о себе лучшего мнения.

- Мы объявим о её смерти, — пожал плечами Анвар. Я тоже злилась на Сети, полагаю, я злилась на неё сильнее всех, однако, даже меня покорило его равнодушие.

Мать вздрогнула и посмотрела на брата.

- А когда мы её найдём?

- Подыщем отдалённый монастырь, — отмахнулся отец, — не думай об этом раньше времени. Она больше не дочь для нас с тобой.

Мать приоткрыла рот, но возразить не решилась. Опустив глаза, она погладила меня по руке.

- Если ты так решила, родная моя.

Затем меня увели готовиться. Свадьба должна была слу-

читься на территории жениха, моим же родителям оставался бал по случаю помолвки. Когда соединяли свои судьбы аристократы нашей Империи, их помолвочные балы были шумными и многолюдными. Яркими, весёлыми, счастливыми. Каждый, кто имел знакомство с женихом или невестой, считал своим долгом принести им поздравления. Гости общались, смеялись и строили предположения, какими яркими гранями будет блистать новая семья под сверкающими взглядами богов. Писали записки и складывали их в конверты, которые запечатывались на десятилетие. Отдельным удовольствием, по словам моей матери, было спустя долгие годы читать эти догадки и пожелания.

Я много раз представляла себе свой помолвочный бал, но так, как мечталось нам с матерью, он уже не пройдёт. Отправка невест за границу была особым случаем. Жених редко брал с собой серьёзную свиту, а часто мог и сам не явиться, прислав родственника с доверенностью. Ониксовый Император оказал нам честь, приехав лично. Хотя моя ситуация была бы проще, отправь он дядю или брата.

В общем, счастливых гостей со стороны жениха не будет. С аристократией нашей страны тоже было сложно. Когда невесту отправляли на чужбину, не звучало сердечных поздравлений: радоваться за женщину, покидающую родину, считалось хамством. Ни счастливая семья, ни множество детей в Арадоне не считались благом бóльшим, чем жить на нашей земле. Гости вымучивали из себя слова, больше по-

ходящие на утешения, и вся атмосфера напоминала скорее панихиду, нежели праздник.

Не на такую помолвку я надеялась.

Я всегда была благочестива и почтительна. Я давала родителям повод мной гордиться. Я показала себя достойной наследницей матери. Почему сейчас я готовлюсь к нежеланной свадьбе? Почему меня увезут на чужбину, если я была достойной дочерью Арадона?

Потому что Сети не захотела. Всего лишь не захотела и этого довольно!

«Посмотрим, дорогая, как тебе понравится в монастыре», — подумала я со злорадством, что саму меня испугало. Я любила сестру. Я не желала ей зла.

И всё же я не могла на неё не злиться.

Пока мои волосы туго зачёсывали, лицо красили, а тело наряжали, пытаюсь спешно переделать подвенечное платье Сети, я удерживалась от слёз лишь мыслями, что сестра об этом ещё пожалеет. Раскается. Попросит у меня прощения.

Великая Мать, да кому я вру. Сети никогда ни у кого не просила прощения. Даже когда меня наказывали за её шалости, сестра сидела рядом со мной грустная и отдавала мне свои сладости, но никогда, ни единого раза она не сказала короткого «извини».

«Взбалмошная эгоистка», — никак не могла успокоиться я, — «какая же ты взбалмошная эгоистка».

Дорогие читатели!

Если вы заметили опечатку/ошибку/ляп - пожалуйста, напишите мне об этом в комменты или в личку.

Я прогняю главы через спец. программу, но что-то все равно наверняка упускаю. Я отключила защиту от копирования, так что если вы используете браузер, то кусочек с ошибкой можно выделить и прикрепить. Спасибо!

Глава 2

В сопровождении отца, матери и Анвара я шла к покоям моего будущего мужа. Я не встретила его, как подобает, на пороге замка, но войти в бальный зал нам следовало вместе.

Император Ониксовой Империи стоял у окна с таким видом, будто ожидает меня здесь уже много часов. Отчасти это было правдой. Какая нелепость. Мне попадало из-за Сети в детстве: не раз и не два родители наказывали меня за её проделки. И вот мы выросли, но всё осталось тем же. Только теперь вместо стояния на горохе меня ожидал нежеланный брак с мужчиной, которого я уже успела невольно оскорбить своим пренебрежением.

Не поднимая глаз на своего жениха, я рассматривала его ноги, обтянутые высокими, тёмными сапогами. Мой отец, обожающий верховую езду, предпочитал и в обычной жизни носить жёсткую обувь на небольшом каблуке. Арон надел сапоги из мягкой кожи на тонкой, полностью плоской подошве. Между лапами мантии проглядывались тёмные брюки. Само платье было тёмно-синим: какой странный цвет для мужчины! Сложная вязь, выполненная чёрными и серебряными нитями, невольно притягивала взгляд.

Я слышала о том, что маги вшивали защитные чары в свою одежду. Возможно, когда-нибудь я осмелюсь его об этом спросить.

Ведя меня под руку, отец подошёл вплотную к Императору. Анвар, стоящий позади, звучно перечислил все многочисленные мои титулы.

Отец выпустил мою ладонь. Рука, которую по традиции нужно было передать жениху, зависла в воздухе на добрую дюжину секунд.

Я чувствовала, как ноют плечи и шея, перенапряжённые от нервов.

- Эта пигалица? — наконец, прозвучало от Арона. Я вспыхнула и опустила голову ещё ниже, — ей хоть четырнадцать будет?

- Моей дочери исполнилось семнадцать этой весной, — возмутился отец. Моя рука тем временем продолжала висеть в воздухе. Никогда прежде я не переживала такого острого унижения.

Да, стоя рядом с Ароном, я могла показаться девочкой. Но и отец едва доставал ему до подбородка! Моя мать, признанная красавица, была выше меня всего на пару сантиметров. Я была тонкой и изящной, избавленной от пошлости, что любили подчёркивать в себе простолюдинки. Художник, рисовавший мой портрет в прошлую зиму, долго ещё не мог перестать восторгаться моими огромными глазами, цвета красного золота.

Я была красива, и даже если этот варвар не способен оценить меня, то кто дал ему право меня унижать?!

Мои пальцы задрожали, и горло сдавило слезами. Опу-

стить руку я не посмела. С тяжёлым вздохом, будто делая мне одолжение, жених взял мою ладонь в свою. В сравнении с моими его пальцы были такими горячими.

- У неё хоть женские кровотечения начались?

Отец шумно вздохнул и замер поражённый. Его ладонь сжалась в кулак до хруста. Со стороны матери донёлся тихий писк. Я чуть покачнулась, невольно опираясь на руку Императора. Моё здоровье было слишком хорошим, чтобы потерять сознание от избытка чувств, но в голове на миг помутнело. Арон, будто бы не заметив общего шока, продолжил невозмутимо.

- Она вообще здорова?

Первым взял себя в руки Анвар. Выйдя вперёд и подойдя к нам, дядя заговорил подчёркнуто вежливо:

- Принцесса Маали полностью здорова и безупречно воспитана.

Намёк «в отличие от вас» повис в воздухе несказанным, но очевидным.

Мой жених хмыкнул едва слышно. Стоя рядом с ним, я ощущала запах его духов — дерево, мускус, пачули и что-то сладкое, напоминающее экзотические фрукты.

- Могу я попросить принцессу поднять на меня её прекрасные глаза? — заговорил он иным тоном: вежливым и мягким, но слегка издевательским.

Я подчинилась и подняла взгляд ему на грудь. Ворот мантии моего жениха был украшен чёрным ониксом и алыми

рубинами, искусно вплетёнными в узор вышивки. Скреплён серебряной заколкой в виде свернувшейся змеи. Нательная рубашка была алой, а кожа шеи — смуглой и плотной. Арон был худым и жилистым, будто высушенный абрикос. Яремная вена пульсировала на тонкой шее. Рядом со мной: светлокожей, краснеющей от любого сильного чувства, Император Ониксовой Империи казался богато разрядившимся простолюдином. Разве может у аристократа быть такая кожа? В Арадоне — нет.

- Принцесса не понимает моего акцента? — спросил он с издёвкой. Наш язык — Старый язык, лежал в основе всех прочих. Строго говоря, все другие языки были лишь искажёнными диалектами. Запад Ониксовой Империи говорил на почти правильном Старом языке, но на востоке и севере отличия множились. Несмотря на то что столица Ониксовой империи была на востоке, речь моего жениха была почти образцовой.

От смущения и паники я снова опустила голову. Стоящий рядом отец не выдержал.

- Тебе сто́ит быть вежливее с моей дочерью!
- Ваша дочь, — чуть сжал Арон мою руку и добавил в голос раздражения, — умеет разговаривать?
- Моя дочь... — начал отец повышать тон, но я, сама не веря своей наглости, его перебила:
- Да.

Голос прозвучал тихо и высоко, куда выше, чем я говори-

ла обычно. Истощенный писк, а не речь принцессы.

Отец замолчал. Арон нагнулся ко мне и заговорил вполголоса: мягко и приятно, словно замурлыкал большой, разомлевший на солнце кот.

«С очень острыми когтями», — напомнила я себе.

Мягкие и слабовольные к вершинам власти Ониксовой Империи не пробивались.

- Чудесно. Тогда я попрошу тебя снова, прелесть моя: подними на меня глаза.

Я подчинилась.

У моего жениха был широкий подбородок, резко очерченные скулы и нос с небольшой горбинкой. Чисто выбритое лицо. Глубоко посаженные карие глаза. Короткие волосы цвета тёмного дерева. Широкие брови, почти сходящиеся на переносице.

Я не назвала бы его уродливым, но неприятным — да. Слишком хищная внешность. Слишком чуждая.

Именно так, если подумать, я его себе и представляла.

- У тебя красивые глаза, — сказал он мягко.

- Спасибо, Ваше Императорское Величество, — поблагодарила я и, сочтя его пожелание выполненным, снова опустила голову. Мой жених издал стон: насмешливый и разочарованный в равной мере.

- Императрица, — начал он менторским тоном и коснулся моего подбородка горячими пальцами, — Ониксовой Империи не смотрит в пол, словно дешёвая продажная девка.

За окном уже начало темнеть, и яркое освещение внутри комнаты делало поверхность оконного стекла немного зеркальной. Мой жених повернул меня в сторону окна. Мы казались такими разными, стоя рядом. Моя поза была зажатой и неестественной, словно простолюдинку палкой заставляют изображать знатную девушку. Платье — небесное на солнце, казалось блёклым и грязным в свете масляной лампы. Я не носила украшений кроме священных браслетов — для незамужней девушки это считались нескромным. Мой жених казался напряжённым, но не скованным. Я была ланью, замеревшей от страха, а он тигром, готовящимся к прыжку. Украшения и вышивка его платья мерцали на свету.

- Привыкай держаться так, как тебе положено.

Отец буркнул что-то невразумительное, но не стал пререкаться. Мы пошли в бальный зал.

Гостей собралось немного. Сети имела дурную репутацию, а Император до последнего не сообщал, приедет он сам или пришлёт кого-нибудь с доверенностью. Явились наши родственники, проживающие в столице. Собрались придворные лизоблюды да парочка иноземных послов, со скуки посещающих любые императорские балы. Не было никого, кто был мне дорог — в суете спешной подготовки никто не догадался позвать сюда моих подруг.

От этого стало особенно горько. Пускай им не с чем меня поздравить, но я могла бы получить сочувствие.

Я хотела, чтобы меня пожалели.

«Впрочем, — взяла я себя в руки, с силой кусая щеку, — так даже лучше».

В спешно переделанном платье и с вызывающе поднятым подбородком я всё равно никому не хотела показываться. Я чувствовала себя жалкой, чувствовала себя униженной, чувствовала себя несчастной. Мой жених приобнял меня за талию куда теснее, чем было прилично до свадьбы. Я не пыталась отстраниться. Он шутил с гостями, говорил оживлённо и дружелюбно, без тени той грубости, с которой недавно унижал меня. Я улыбалась и молчала. Никто не обращался ко мне напрямую. Только смотрели настороженно, удивлённо, насмешливо.

Спустя несколько часов моя голова начала кружиться от духоты, но я долго не могла решиться попросить Ониксового Императора выйти на балкон. Арон сам заметил, как нетвёрдо я начала держаться на ногах.

- Хочу проветриться, — коротко попрощался он с собеседниками и вывел меня в сад.

Пока я пыталась надышаться свежим воздухом, густо пахнущим цветущим киви, он смотрел на меня задумчиво.

- Твоя сестра не владела Старой Магией. А ты?

Я молча покачала головой. В глазах моего жениха я заметила и облегчение, и разочарование. И непонятно чего больше.

- Хорошо. Мне не нравится твоя молчаливость. Ты боишься меня, одни боги знают почему. Допустим. А почему

не говоришь со своими родственниками?

- Рядом с отцом, мужем или братом женщины говорят только если к ним обращаются напрямую.

Он поморщился.

- Отвыкай от этого.

Я кивнула. Он тяжело вздохнул и предложил мне руку. Мы вернулись в зал.

Будь моя помолвка такой, как полагается, и принятие кольца было бы её кульминацией. Члены семьи собрались бы на балконе, друзья и подруги окружили ли бы нас с женихом плотным кругом. Помолвочное кольцо могло нести в себе много смыслов, и все жадно вглядывались бы в украшение, пытаясь разгадать, что за послание вложил в него мой жених. После бала мы с отцом отнесли бы кольцо астрологу, где он попробовал бы прочесть наше с нареченным будущее. А затем, в компании матери, мы отправились бы к свахе, которая навела бы справки о прошлом: выбирал жених украшение сам или доверил старшим родственникам, старался угодить мне или откупиться. От ответов зависело бы украшение моего свадебного платья — читать послания, вложенные в него, пришлось бы уже жениху.

Иногда ритуал выполнялся и с чужеземцами, в тех редких случаях, когда союз был не только дипломатическим. Но Ониксовый Император не выглядел тем, кому интересны такие игры.

Мы вышли в центр зала, и гости окружили нас. Под их

взглядами я почувствовала себя ещё более несчастной.

Кольцо было простым. Широкий серебряный обод без резьбы или узоров и тёмный камень в тонкой оправе. Я не разбиралась в минералах, но легко могла догадаться, что это был оникс.

Кольцо оказалось велико на все пальцы, кроме большого. Да и на нём держалось опасно. Я не решилась бы надеть это украшение на конную прогулку.

Сети была выше меня, но так же изящна. Жених не озаботился даже тем, чтобы найти кольцо ей по размеру. Как же унижительно.

Редкие хлопки стихли, едва начавшись. Я чувствовала, как меня мутит, как к горлу подступает желчь. Ещё сегодняшним утром моя жизнь была совершенно нормальной, а будущее счастливым.

Вскоре гости разошлись по залу, оставив нас без внимания.

Быть никому не нужной тенью на собственной помолвке — от такой судьбы хотелось расплакаться. Я вскинула голову выше и заморгала, удерживая слёзы. Арон выгнул бровь, решив, что я хочу что-то ему сказать. Я помотала головой. Излишне резко. Уголки губ уже подрагивали. Контролировать себя становилось всё сложнее. Арон вздохнул и вывел меня на балкон.

- Не снимай его, — сказал Ониксовый Император, когда я принялась рассматривать кольцо под светом лампы.

- Хорошо, — согласилась я без лишних раздумий. Повисшая тишина показалась мне напряжённый. Спустя десяток секунд мой жених спросил:

- Не будешь спрашивать почему?

- Нет, — слегка удивилась я, — желания вашего Императорского Величества достаточно.

В ответном взгляде недоверие мешалось с раздражением и ожиданием подвоха. Помолчав ещё немного, он пояснил:

- На него настроены следящие чары. Если с тобой что-то случится, то я легко тебя отыщу.

Это могло бы звучать угрозой, но не для меня и мысли не имевшей о побеге. Украшение больше подошло бы Сети. Оно и предназначалось для неё.

Я надела кольцо и посмотрела ему в глаза:

- Благодарю за заботу, Ваше Императорское Величество. Я постараюсь всегда держать его при себе.

Прозвучал уже привычный мне тяжёлый вздох.

Когда гости начали расходиться, жених потянул меня в свои покои. Я не смела противиться, но успела кинуть несколько испуганных взглядов на родителей. Было слишком рано! Даже оставаться наедине разрешалось только после заключения брака, а уж уединяться в покоях мужчины...

Отец и мать вышли в коридор прямо за нами. Арон обернулся на них и чуть заметно кивнул. В его комнату мы зашли вчетвером.

- Надеюсь, ты уже собрала вещи, прелесть моя? — спро-

сил он с насмешкой. Один из слуг, прибывших с Императором, держал в руках небольшую сумку. С такой мы с матерью ходили на пикники. Возможно, остальные вещи они даже не выгружали, сразу же планируя сбежать так быстро.

- Дождитесь утра, — веско бросил отец, — незачем ноги лошадям ломать.

- Я не собираюсь ехать на лошадях, — отмахнулся мой жених, — мы доберёмся магическими путями.

Я почувствовала, как кровь отливает от моего лица. Конечно. Стоило сразу догадаться, что он потребует этого.

На меня — дочь Старой Крови — не работала магия, кроме Старой. Арон не мог не знать этого. И не мог не потребовать, чтобы я отказалась от этой защиты.

Магия появилась в мире чуть позже его сотворения. Алия, посмотрев, как чудесно изменяют люди мир своими руками, пожелала дать им и иные способы творить. Первые люди получили из её рук восхитительный подарок — возможность менять мир так, как им заблагорассудится. Без заклинаний, формул или схем, лишь страстным желанием, подкреплённым твёрдой волей. Долгие столетия всё шло так, как хотела Создательница. Новые боги, сотворённые Алией, творили себе подобных. Люди изменяли мир и изменялись сами. Иногда они заходили слишком далеко. Боги магии, теперь почитаемые в Ониксовой Империи, были сотворены людьми, убившими одного из детей Алии. Столкнувшись с предательством и даже не сумев покарать убийц из-за

безграничного своего милосердия, Алия начала тосковать. Желая развлечь супругу, Хафта уничтожил один из человеческих континентов, но это только усугубило материнское горе. Постепенно Алия перестала отвечать на молитвы, погружившись в беспокойную дрему. Вскоре вслед за ней отошёл ко сну и её супруг. Создательница жива — мы чувствуем, как наши молитвы касаются её снов и как нисходит на души её милосердие. Но она молчит.

Старая магия начала исчезать. Долгое время люди думали, что дело в дрёме Алии, но постепенно осознали, что во всём виноваты сами. Магия работала, как и прежде, но лишь у тех, кто и сам оставался прежним. Кто не изменился ни по крови, ни по духу. Тогда некоторые семьи — в том числе и моя, начали беречь свою чистоту. У нас всё ещё рождались истинные маги, пускай мне и не посчастливилось быть среди них.

А ещё нам не могла навредить магия молодая. Последний дар Алии перед тем как отойти ко сну — пока потомки первых людей хранят чистоту крови и веры их не коснётся ни новая магия, ни силы младших богов.

От этого дара можно было отказаться — достаточно снять священные браслеты или припасть к алтарю иного бога. Вернуть божественную защиту после предательства не удавалось никому. Лист бумаги, единожды испачканный, уже не отмоешь дочиста.

К этому я была не готова.

По установившейся тишине мой жених понял, что сказал что-то не то. Обернувшись, он посмотрел на меня с удивительным снисхождением.

- Тебе всё равно придётся когда-нибудь. Императрица государства магов не может не пользоваться магией.

- Мы оговаривали, — начал отец низко и устало, — что моя дочь сохранит свою веру. Это записано в договоре.

- Да какая разница, что написано в этом клочке бумаги?! - вспыхнул Арон. Впервые услышав, как он повышает голос, я против воли сжалась и опустила глаза, — ей всё равно придётся!

- Ты не вынудишь мою дочь отказаться от наших богов, колдун, — выплюнул отец пренебрежительное. "Колдунами" в Арадоне называли любых магов не от нашей крови. Не оскорбление, но весьма, весьма к нему близко, — и на этом разговор окончен. Маали, тебе нужно отдохнуть.

- Ты останешься, — веско бросил Арон, стоило мне сделать шаг к отцу. Я замерла.

- Моя дочь всё ещё принадлежит мне, — шагнул отец вперёд и схватил меня за локоть. Ониксовый Император скрестил руки на груди.

- Это ненадолго. Маали, тебе не сто́ит начинать нашу с тобой жизнь с ссоры.

- Не смей угрожать моей дочери, колдун. Вы помолвлены, а не женаты. И помолвку несложно расторгнуть.

- Не сложнее, чем нарушить мир? — улыбнулся Ониксо-

вый Император.

- Это будет твоё решение, — спокойнее, постепенно беря себя в руки, ответил отец, — союзники не откажут мне в помощи после такого вероломства.

«Нет, нет, нет» — мысленно плакала я. Вот оно, всё то, чего я надеялась избежать. Чего ради я пережила столько неприятных часов, если в итоге всё закончится войной?

Я мягко высвободила руку из отцовской хватки и повернулась к Арону. Подняла голову и заставила себя посмотреть в его тёмные, сверкающие гневом глаза. Взгляд, который отец кинул мне в спину, был удивлённым. Таким, будто из-под его руки ускользнула чернильница.

- Я хотела бы сохранить благословение своей богини, Ваше Императорское Величество. Хотя бы какое-то время, пока не привыкну к новому месту. Я чувствую ужас, представляя, что окажусь беззащитной перед любой магией в вашей стране.

Мне Арон ответил мягче:

- Твоей защитой буду я. Поверь, этого достаточно.

- Ваше Императорское Величество не всегда будет рядом.

- Моего приказа — и страха перед моим гневом, хватит.

На этом запас моей отваги иссяк. Я опустила глаза и обхватила себя за плечи, словно пытаюсь стать меньше, незаметнее, не значимее. Раствориться и исчезнуть из этой комнаты. Провалиться в божественный сон Алии, захлебнуться в нём и никогда больше себя не осознавать.

Мой лишённый выражения ответ прозвучал тихо, словно шелест сухой травы на ветру.

- Как пожелаете, Ваше Императорское Величество.

Нужно было разжать руки и потянуться к браслетам — никто кроме меня не сумел бы снять их. Я не могла. Тихо — без рыданий и всхлипов — из моих глаз потекли слёзы. Я хотела разжать руки и спрятать в них лицо, но вместо этого крупно задрожала. Моё глупое тело предпочитало делать что угодно, только не слушать смятенный разум. Через горло, сдавленное слезами, я с трудом выдавила неловкие извинения:

- Простите... Минуту... Я сейчас сниму их...

- Да гори оно всё адским пламенем! — рявкнул мой жених, заставив меня дёрнуться и вжать голову в плечи, — оставайся! Оставляй свои побрякушки, трясись три недели по грязным дорогам!

В два шага, дойдя до слуги, Арон выхватил у него сумку.

- Реши этот вопрос. Я убираюсь отсюда.

Спустя мгновение Император исчез. Ни дыма, ни вспышки. Остался лишь ошарашенный слуга, взбешенный отец, бледная до синевы мать и беззвучно рыдающая я.

Не об этом я мечтала, определённо не об этом.

Глава 3

Уже на следующий день я узнала, что мужчину, на которого бросил меня Ониксовый Император, звали Шамих. Один из дворян моей новой родины, он был единственным в своей семье, кто от рождения не был одарён магией. Такое случалась, хотя и не слишком часто. Одарённость передавалась по крови, чаще от матери, чем от отца. Каждое направление колдовства, будь то некромантия, подаренная богом смерти первому целителю, или магия стихий, меньше столетия назад дарованная людям молодыми западными богами, постепенно таяло, если смешивать кровь с носителями неподходящих талантов или полными бездарностями. Рода, издревле занимающиеся магией, тщательно выбирали супругов своим детям. Два мага, не имевшие неодарённых в своих родах, лишь в исключительных случаях могли родить ребёнка не мага. Ещё более редкими, практически легендарными, были случаи, когда кровь родителей синергировала и порождала удивительный талант без внятных к тому предпосылок.

Особым образом в смешанных браках работала Старая Магия. Она была истоком, из которого так или иначе, пили все прочие, и потому наша кровь усиливала любую иную. Мои дети от чужака не будут владеть Старой Магией, но кровь Арона, какой бы она ни была, станет сильнее. Для этого мне самой не нужно было быть магичкой, значение имела

лишь текущая в моих жилах кровь. Ониксовые маги славились своими экспериментами. Скрещивая людей, словно породистых собак, они всегда находились в поиске формулы, усиливающей магию рода. Иногда их эксперименты порождали гениев. А иногда неударённых вроде Шамиха.

По изначальному плану Шамих должен был задержаться в городе на два дня для выполнения поручений, посвящать в которые он меня не стал. А затем отправиться в Ониксовую Империю в сопровождении малочисленной охраны. Ради транспортировки принцессы планы пришлось менять.

Мы оставались в столице ещё неделю. Я неторопливо собирала вещи, мечась между желанием взять с собой всё, абсолютно всё, что может пригодиться мне в жизни и желанием не брать вообще ничего. В конце концов, не в монашеский же скит я собираюсь. Мой супруг, как уверил меня Шамих, купит мне всё, чего я только пожелаю. Не лучше ли обойтись без лишних напоминаний о старом?

Мать убеждала меня в разумности второго, но отец норovil подарить побольше дорогих безделушек. По его мрачному выражению лица сложно было понять злится он или стыдится. Пытается откупиться от вины перед дочерью, отданной чужаку, или по-отечески порадовать её напоследок. В любом случае за всю жизнь я не получила от отца и трети тех подарков, что просыпались на меня за эту неделю.

Вопрос собирать ли огромную поклажу решил сам собой. Я могла оставить любимые платья и кукол, но вот по-

дарки отца — ни за что. Когда на третий день Шамих спросил меня, сколько вещей я беру с собой, мне пришлось вместе с Анваром провести его в отдельную комнату, занятую сундуками.

- Ваше Высочество, — ошеломлённо крикнул Шамих, — в Ониксовой империи есть изысканная посуда. Ваш супруг не оставит вас без покрывал и светильников. Может, вы оставите часть вещей дома?

Я опустила глаза, как всегда, не вмешиваясь в разговор мужчин. Ответил Анвар.

- Родные мелочи сделают жизнь принцессы приятнее, — сухо улыбнулся он.

- Возможно, — повернулся Шамих к моему дяде, — принцессе стоит оставить часть своих платьев? У нас другие погода и мода.

- Принцесса сама решит, что ей оставить, — отрезал Анвар.

Любой человек, выросший в Арадоне, понял бы, что это завершение разговора. Шамих посмотрел на меня, будто ожидал, что я вмешаюсь в беседу. Я разглядывала ручку сундука.

- В таком случае мне нужно найти больше транспорта, — огорчённо резюмировал Шамих.

На организацию дороги ему потребовалось ещё четыре дня. Ранним вечером к замку подъехала целая процессия, можно даже сказать — небольшая армия. Не меньше шести

десятков вооружённых мужчин сопровождали шесть обозов и большую, но неброскую карету. Я стояла на ступеньках, пока слуги носили тюки, сундуки и ящики. Я не плакала. Я ни разу не плакала за прошедшую неделю — не желала расстраивать мать, ни на минуту, не оставляющую меня в одиночестве. И момент прощания я слезами не испорчу.

Пахло цветущим киви, душистой розой и конским навозом.

Я стояла рядом с матерью и держала её за руку. Пальцы родительницы были прохладными.

Когда мои вещи были упакованы, Шамих предложил мне занять место в карете.

Мать обняла меня, с трудом сдерживая слёзы. Отец стоял рядом в нерешительности. Будь мы наедине и, полагаю, он тоже обнял бы меня, прижал к себе крепко-крепко и прошептал что-то ободряющее. Но не при людях. Он никогда не позволит себе подобного на публике.

Мне всё ещё не хотелось ехать, и тень надежды, нелепой и глупой надежды, что кто-нибудь остановит меня, продолжала теплиться в груди.

Отец взял меня за руку и повёл к карете.

- Ваше Императорское Величество, — спросила я тихо, — как Сети?

Он кинул на меня удивлённый взгляд.

- Неважно.

«Останови меня, пожалуйста»

Мы подошли к карете, и один из солдат распахнул передо мной дверь. Внутри уже сидели две молодые девушки — служанки, должны помочь мне в дороге. Они были местными, но незнакомыми — я сама отказалась от дворцовых служанок. Мне не хотелось видеть знакомых лиц на чужбине. Возможно, я была бы рада взять с собой нескольких подруг, но вынуждать их покидать родину было бы чересчур жестоко.

Нет блага большего, чем жить в Арадоне. Зачем же ломать судьбу непричастным?

Я повернулась к отцу, давая ему последний шанс обнять меня. Прижать к себе и оставить здесь.

Он прочистил горло:

- Маали, всегда помни, что ты — моя гордость. Твоя верность семье и твоё понимание долга делают тебе честь. Будь ты мужчиной, и я хотел бы, чтобы ты заняла трон, но, благословенная женским чревом, ты послужишь стране иначе. Пускай твой путь будет лёгким и светлым. Пускай он радует Великую Мать.

- Спасибо, Ваше Императорское Величество, — поклонилась я и поднялась в карету. Ноги слушались плохо, но я справилась с тем, чтобы не споткнуться о собственное платье.

Сев на лавку и последний раз помахав отцу, я приказала служанке:

- Зашторь окно.

- Разве Ваше Высочество не желает до последней минуты смотреть на родных? — удивилась она.

- Нет. Зашторь окно, — ответила я излишне резко. Не было у меня сил на вежливость и мягкость.

Пока одна из служанок распускала завязки, вторая помогла мне улечься. С моим небольшим ростом я могла вытянуться на лавке с относительным комфортом. Обивка была мягкой и пахла чем-то сладким.

Вскоре внутри стало темно. Я закрыла уши подушкой, приглушая звуки.

И, наконец, расплакалась.

Зажав рот углом подушки, я рыдала так, как не рыдала уже долгие годы. Я скулила, я выла, я задыхалась от избытка чувств. В какой-то момент у меня закончились слёзы, но грудь продолжала содрогаться, и тело никак не отпускали спазмы. Потом слёзы потекли снова. Я выла как последняя крестьянка, не думая ни о достоинстве, ни о приличиях.

Мне кажется, что не поплачь я в тот вечер и ночью повесилась бы на двери кареты.

Постепенно мои силы иссякли. Я не почувствовала себя лучше, как чувствуют себя лучше выздоровевшие после длительной болезни, но я ощутила, как расслабилась сжавшаяся внутри меня пружина.

Служанки привели меня в порядок, напоили водой и уложили на подушки.

Ещё спустя несколько часов мы остановились. В дверь ка-

реты постучали и служанка, дождавшись моего кивка, её распахнула.

Естественно, там стоял Шамих. Неуверенно улыбаясь, он спросил: хочу ли я поужинать в таверне, которую пока ещё можно найти у дороги? Или нам купить еды и принести в карету? Возможно, принцесса захочет попробовать солдатской каши?

Я безразлично пожала плечами. Трактовав мой ответ как согласие с первым предложением Шамих улыбнулся шире:

- Тогда переоденьтесь во что-нибудь попроще, Ваше Высочество. Несколько миль мы проедем верхом.

Служанки сменили моё платье на свободное и немаркое, а голову покрыли более лёгкой версией головного убора. Шамих, судя по его лицу, остался недоволен.

- Ваше Высочество, вы сумеете сесть в седло в этом платье?

Я посмотрела на него с недоумением и, лишь переведя взгляд на приготовленных лошадей, поняла проблему.

- Знатные дамы сидят в дамском седле, — пояснила одна из моих служанок. От неловкости я опустила глаза, но быстро опомнилась и вернулась к положению, что указал мне Арон.

- У нас его нет, — пожал плечами Шамих, — может быть, у вас есть более подходящая одежда?

Я покачала головой.

Мне пришлось вернуться в карету.

До ближайшей таверны Шамих съездил один. Еду, упакованную в чугунные горшочки, я ела в карете. Уверена, что вышло ничуть не хуже, чем трапеза в заведении, где на меня смотрели бы десяток простолюдинов. Или Шамих выгнал бы их на время нашего визита? Да, наверняка он был их выгнал. Тоже неловко, если так подумать.

К этому времени я успела выплакать все слёзы, что копила целую неделю. Мне захотелось размять ноги.

Стоило нам со служанками сделать буквально три шага в сторону леса, как к нам бросился Шамих.

- Ваше Высочество, вам не сто́ит уходить одной.

- Её Высочество хочет прогуляться, — ответила ему одна из служанок.

Мужчины, разбивающие лагерь и бесцельно слонявшиеся неподалёку, посмотрели на нас. Под их взглядами мне захотелось спрятаться. Я не должна была находиться здесь. Это судьба Сети. Почему я покидаю дом? Почему я еду в чужую страну, перехожу под власть мужчины, жестокого, насмешливого и беспардонного?

Я ощутила, как краснею. Не только от смятения, но и от несмелой ярости, поднимающейся откуда-то из глубины. Шамих, к моему удивлению, покраснел тоже.

- Я... ээээ... понимаю, что у вас может быть нужда размяться, но в лесу недолго заблудиться, а вдали от городов встречаются дикие звери. Не всех отгонит человеческий шум, кто-то, напротив, сочтёт это шансом поживиться. Вам не сто́ит

рисковать. Зовите меня каждый раз, когда вам понадобится компания. Я буду рад сопровождать будущую Императрицу.

Я кивнула на лес. Говорить с чужим мужчиной всё ещё было непривычно, и я старалась обходиться без этого. Шамих пошёл вперёд, указывая дорогу. Уже через пятнадцать минут мы вышли к широкому ручью, берег вдоль которого позволял гулять, не беспокоясь о целостности ног.

Мы шли в тишине некоторое время, но потом Шамих предложил:

- Простите, если я слишком навязчив, Ваше Высочество, но я мог бы рассказать вам о вашей новой родине.

Я кивнула. Слегка обескураженный моим молчанием, он неуверенно прочистил горло. А затем заговорил так, будто читать сказки было основной его должностью при дворе.

- Люди, с давних времён проживавшие в наших землях, всегда были одарены любознательностью и дерзостью. Ещё в те дни, когда мир был юн и властвовали над ним Старые Боги, наши предки искали от них независимость. Гордый нрав никогда не позволял нам есть с чужих рук. В какой-то момент коллегия магов вступила в союз с богом, чьё имя теперь знает лишь Неведомый. Божество желало той же независимости от Матери и готово было принести в жертву многие людские души. Однако обмен хитростями завершился иначе, и на алтаре оказалось само божество. Миг триумфа растянулся на десятилетия, во время которых маги лепили сосуды для божественной силы. Итогом стали нынешние на-

ши божества: прекрасная Ла, дающая власть над водой и иллюзиями, землёй, снами и врачеванием плоти; темноликий Тон, позволяющий вплетать в свои заклинания, ветер и огонь, проклинать и влиять на умы и, конечно же, Неведомый. Сокрытый. Тот, чей алтарь находится в центре Ониксового лабиринта и припасть к которому могут лишь маги, прошедшие его до конца. Только они и знают теперь, как звали погибшего бога и чем является сам Неведомый. Силы, которые он даёт, немногим уступают Старой магии. Кто-то учится влиять на время, другие — на пространство. Иные понимают истинную суть вещей и, как следствие, обретают над ней власть. Их век часто неестественно долг. Если, конечно же, не прерывается от иных причин, — усмехнулся Шамих.

- Век отца моего жениха?..

- Чуть больше столетия. Не так уж много. Прошлого Императора отравили.

Я смотрела на ручей. Прозрачная, даже на вид холодная вода бежала по серо-зелёным камням. Где-то кричали лягушки. Я думала о том, мог ли отравить собственного отца Арон.

Вспоминая его глаза, мне казалось, что да.

- Расскажи мне о моём женихе, — попросила я.

Шамих задумался и заговорил, тщательно подбирая слова:

- Ониксовый Император уважал отца, всегда был в хоро-

ших отношения со своим братом, сёстрами и кузинами. Он бывает резким и вспыльчивым, но не жестоким. Он нравится женщинам, Ваше Высочество, и обычно они сохраняют о нём добрую память. Он не жаден и охотно слушает тех, кто даёт ему хорошие советы. Император много времени проводит в уединении и навряд ли будет мешать вам заниматься тем, чем вам угодно. Вам повезло с мужем, Ваше Высочество. Уверен, вы будете счастливы.

- Я рада, что ты хорошего о нём мнения. Это утешает меня, — ответила я вежливо.

- Вам понравится ваш новый дом, Ваше Высочество, — продолжал соловьём заливаться Шамах, — вы даже не представляете насколько красивые в пустыне закаты!

Мы говорили весь следующий час. Служанки, идущие позади, не позволили бы счесть ситуацию компрометирующей, но она определённо была странной. В Арадоне жених ни за что не одобрил бы долгих разговоров с посторонним женщиной. Особенно мужчиной, кто по положению меня ниже.

Речь Шамаха не могла не увлекать. Он описывал солнце, встающее над песками так красочно, что я почти чувствовала своей кожей его лучи. Он говорил о томительной жажде, о воздухе настолько сухом, что каждый вдох обжигал гортань и я почти ощущала эту муку. Он рассказывал мне о сладком аромате цветущей акации, и я улавливала в воздухе его отголоски.

Время пролетело незаметно. Когда я начала уставать, Ша-

мих понял это и свернул в сторону. Мы удивительно быстро вышли к моей карете.

- Отдыхайте, Ваше Высочество. Дорога будет долгой, но то, что встретит вас в конце, стоит этих усилий.

И я почти ему верила.

Эти слова звучали бы куда убедительнее, произнеси их мой далёкий жених. Но тот предпочёл ворваться в мою жизнь резким порывом ветра, задирающим лёгкую юбку и оставляющим неосторожную девицу в позоре и унижении. Ни визитом, ни сообщением, послать которое маг, без сомнения, мог, Арон меня не почтил.

Свернувшись на лавке, я спала до крайности тревожно. За дверью кареты ходили люди, трещали костры, кричали ночные птицы и квакали лягушки. Какофония, обычно не беспокоящая меня в замке, пугала так, будто мне снова стало четыре года.

Очень хотелось домой.

В дом, которого у меня больше не было.

Когда с утра служанка коснулась моего плеча, я отозвалась без малейшей паузы. Мне показалось, будто я не спала вовсе.

Шамах, зашедший проверить нас, был до отвратительного бодрым.

- Я уже послал людей в таверну за едой для вас, Ваше Высочество.

Хлеб, ещё горячий, когда я ломала его на части, почти не

улучшил моего настроения.

Следующие дни прошли в странном, мрачном забытьи. Мы ехали в карете весь день. Вечером я спала, ела и гуляла с Шамихом или служанками, но ничто из этого не улучшало моего состояния. Далёкий жених — чуждый, грубый, обошедшийся со мной безо всяческого почтения, не пугал меня больше. Я думала о нём так же, как иногда, бывало, думала о старости. Отвратительное и неизбежное зло, сбежать от которого я смогу лишь в смерть. Но старость была далеко, а встретиться с Ароном мне предстояло менее чем через три недели.

Не в нём самом, если так подумать, была основная проблема.

Я была принцессой. Моя жизнь всегда принадлежала семье более, чем мне самой, но всё же и от меня что-то зависело. Отношение народа, отношения в семье. Моё поведение — моя почтительность, моё благонравие, моя религиозность — всё это имело значение.

Больше нет.

Императору Ониксовой империи не нужна была ни моя репутация, ни добрая слава, лишь дети с талантами, усиленными Старой Кровью. А его подданные ни во что не ставили неударённых. Возможно, будь во мне достаточно страсти, чтобы овладеть Старой магией, и я сумела бы добиться признания дворян и народа новой родины. Но Императрица, лишённая экстраординарных способностей, всегда будет

пустым местом в Империи магов. Никто не будет со мной считаться. Никому не будет до меня дела. Я буду бродить по замковым коридорам безмолвной тенью, и даже слуги будут шушукаться за моей спиной. Мой муж, если он окажется любезен и не жесток, запретит знати издеваться надо мной открыто, но даже он не сумеет принудить их меня любить. Он будет заходить в мою спальню в нужные дни... будет дарить мне подарки по случаю рождения ребёнка... будет жить с другими женщинами всё прочее время...

Когда-нибудь я столкнусь с его любовницей в коридоре, и она пройдёт мимо меня, не сделав даже лёгкого реверанса.

От мыслей о подобном унижении хотелось утопиться в ближайшем ручье.

Конечно же, я могу вести себя несносно. Тогда меня будут ненавидеть. Какой очаровательный выбор.

Целыми днями я обдумывала своё будущее, рассматривала его со всех сторон, пытаюсь найти хоть одну приятную грань у этого унылого булыжника.

У меня не получалось.

Моя жизнь не должна была сложиться так. Это было несправедливо.

Я ничего не могла с этим сделать.

По мере нашего продвижения на юго-запад менялась картина за окном. Я находила это странным. Температура ещё не успела вырасти, но растительности уже сейчас было меньше. Тенистые, полные жизни леса, постепенно редели. Воз-

дух становился всё менее и менее влажным. Ручьи с чистой водой больше не встречались в шаге от лагеря — мужчины уходили далеко в лес, гружёные бурдюками, кувшинами и бочками.

Когда я захотела искупаться, Шамах долго пытался меня отговорить.

- Мы далеко отошли от ближайшей реки, Ваше Высочество, — в третий раз повторил он.

- Вы набираете где-то воду.

- В ручьях. Они мелкие, холодные и находятся далеко.

- Вы думаете, я не дойду до ручья? — возмутилась я.

- Я опасаюсь, Ваше Высочество, что купание в ледяной воде подорвёт ваше здоровье. Император прикажет колесовать меня, если вы не доберётесь к нему в полном здравии.

- У меня крепкое здоровье.

- Ваше Высочество... — смотрел Шамах на меня грустно, но твёрдо.

- Я не болею. Никто из моей семьи не болеет. Безупречное здоровье — это одно из свойств Старой Крови.

Шамах впервые заколебался. Ещё спустя пять минут уговоров я убедила его сопроводить меня со служанкой к воде.

Вода и вправду оказалась ледяной. Даже будь погода жаркой, умыться в такой воде было бы чересчур. Но, раз уж я сама об этом просила, то и жаловаться не стану. Отослав Шамаха — прямо потребовав от него отойти не просто за ближайшее дерево, а вернуться практически к самому лаге-

рю, я быстро вымылась с помощью служанки. Та морщилась и стонала, напоминая мне о том, что обычные люди после таких купаний могут и слечь. Я и сама порядком замёрзла. Но ничего, бывало в моей жизни и хуже.

Отослав служанку за Шамихом, я вспомнила одно из таких «хуже».

Вода в столице Арадона замерзала редко. Далеко не каждый год морозы стояли достаточно сильные, чтобы озеро в замковом парке схватило льдом. И даже тогда он оставался слишком тонким, чтобы кататься на коньках, как делали в северных регионах. Когда я была совсем ребёнком я несколько раз выходила на этот лёд с разрешения излишне беспечной нянечки. Потом я выросла. Меня начали отпускать гулять с Сети, считая, что сестра уже достаточно взрослая для присмотра за мной. Как-то раз она предложила мне походить по льду, как мы обе делали в детстве. Не помню, почему я согласилась. Зайти мы успели совсем недалеко. Лёд провалился практически без хруста в двух или трёх метрах от берега. Вода доставала Сети до груди, но меня закрывала с макушкой. Немного побарахтавшись, сестра вытащила на берег нас обоих.

Пять, самое больше семь минут пути до теплого помещения были одними из самых долгих в моей жизни. До сих пор я помню этот пронизывающий холод и пальцы, с трудом сгибающиеся.

К слову сказать, даже после такого приключения я не за-

болела. Только гулять без взрослых нас долго ещё не пускали.

Сильные руки схватили меня сзади — обхватили со спины и зажали рот, не позволяя кричать. Я дёрнулась несколько раз, больше рефлексивно, чем, действительно надеясь вырваться. И замерла.

- Маали, я в тебе не сомневалась. Даже здесь такая послушная, — услышала я голос Сети.

Руки, державшие меня со спины, осторожно разжались. Нападавший, казалось, колебался: буду я делать глупости или меня и в самом деле можно отпустить.

Я медленно обернулась.

Высокий мужчина с непропорционально длинными конечностями стоял позади меня. Лицо почти плоское, с резкими скулами и острым подбородком. Огромные глаза — глубокие, миндалевидные, насыщенно-зелёные. Пшеничные волосы, желтоватая кожа. За мной стоял эльф. По его взгляду я поняла, что в магическом подчинении у моей сестры он не был.

Невероятно. «Свободный» эльф был самой невозможной компанией для Сети. Для любого из нашей семьи.

Дело в том, что эльфы ненавидели Старую магию.

Когда Алия создавала мир и дарила его людям, она, разумеется, не могла не подумать о том, кто же будет помогать её детям. И она создала эльфов. Разумные и самостоятельные во всём прочем они имели одну особенность, предусмотрен-

ную Алией. Старой магии – как заклинателями, так и созданным магическим вещам, они подчинялись без промедлений и мыслей о предательстве. Эльфы не чувствовали себя плохо от этого, как собака не ощущает дискомфорта, выполняя команды хозяина. Это было в самой сути их природы до тех пор, пока маги давно вымершей культуры, не придумали заклинаний, искажающих божественный механизм. Желая подорвать силы нашей Империи, они попытались расшатать её с самого нижнего этажа.

Затем были бунты. Были попытки вернуть отбившихся от рук остроухих к прошлому подчинению. Была война. Был мир, но не с магами, бо́льшую часть которых перемололо в процессе противостояния, а с их творениями, яро желающими свободы.

Затем снова был мир.

Эльфов, не тронутых порчей, оставалось вполне достаточно для того, чтобы отпустить небольшую их часть. Забившись в самые далёкие и глухие болота, те, долгие столетия не показывались на глаза. Потом начались нападения и воровство рабов. Затем было ещё несколько войн, проходивших всегда по одному и тому же сценарию. Эльфы хорошо прятались и нападали из засады, но достаточно ресурсов не имели. Войска Империи уверенно громили их в сражениях, но сражение ещё нужно было найти. Вторжения на эльфийские территории были тяжёлыми и кровопролитными для обеих сторон. Уничтожить бунтовщиков полностью не выходило.

В конечном счёте восстанавливался мир.

В последней войне эльфы, разумеется, были в списке союзников Ониксовой империи.

Что могло заставить эльфа помочь моей сестре? Мелочное желание навредить правящей семье? Интрига Ониксовой Империи с целью развязать войну?

То, как бесстыдно обнял эльф подошедшую Сети, навело меня на мысль, что ответ может быть куда проще. Знать бы только, как они вообще умудрились познакомиться.

На пару мгновений Сети прильнула к эльфу ластящейся кошкой. Затем негромко рассмеялась под моим недоумевающим взглядом.

Сестра остригла свои прекрасные золотые волосы. Переделась в одежду, не мужскую даже — эльфийскую. Узкие брюки, приталенная кофта, больше всего напоминающая кафтан, огромный капюшон.

А ещё она ужасно довольно улыбалась.

Я молчала, слишком шокирована, чтобы говорить.

Приятель сестры дёрнулся, оглядываясь за спину. Сети тоже насторожилась и заговорила торопливо.

- Вот уж не ожидала, что наши родители решат пожертвовать тобой, сестрёнка.

Я молчала, не зная, что ответить. Неожиданность встречи парализовала. Сестра резким движением подскочила вперёд и взяла меня за руки. Она была выше почти на полголовы. И в её глазах плескалась искренняя забота.

- Маали, я не отдам тебя Арону. Я украду тебя. Я тебя не брошу.

Я открыла рот, но звук из него не вышел. Горло сдавило. Долг внутри меня боролся со страстным желанием избежать незавидной участи. Ярость на сестру, так поступившую с собственной семьёй, сталкивалась с восторгом от её любви.

Хоть кому-то было до меня дело. Хоть кто-то в этом мире хотел спасти меня.

Пусть я и не могла принять этого спасения. Не могла стать причиной обострения наших отношений.

Но я хотела.

Сети смотрела на меня с решительностью, присущей мужчинам. Той самой, с которой она осуществляла большую часть своих обычных пакостей. Эльф торопливо дёрнул её за край одежды.

Сестра наклонилась ко мне и прошептала горячо:

- Я обещаю, что заберу тебя.

«Спаси меня» — мысленно кричала та часть меня, которой плевать было на долг. Та, что была озабочена лишь собственным благополучием.

Очень слабая часть.

Сестра с её эльфом исчезли в лесу.

Из куцега кустарника вышли Шамах со служанкой.

И всё же эта эгоистичная часть во мне была. Именно она заставила меня промолчать о неожиданных визитёрах.

Встреча с сестрой подарила мне хороший сон этой ночью.

Следующим утром я первый раз с начала поездки поела с аппетитом.

А следующей ночью на нас напали.

Глава 4

Когда я думала о нападении разбойников, то всегда представляла себе что-то очень классическое. Поваленное дерево, полностью перекрывающее лесную дорогу, наглого мужчину с арбалетом и накинутым на голову капюшоном. Реальность оказалась грязнее и проще. На нас напали ночью, когда большая часть лагеря спала, а меньшая, судя по всему, клевала носом. Грубый рывок вырвал меня из царства сна и сорвал с лавки, бывшей моей походной постелью. Снаружи раздались крики. Мгновением позже завизжала служанка, но тут же заткнулась, забулькала влажно и мерзко. Я еще не проснулась достаточно для того, чтобы осознать, что значат эти звуки. В этот момент я ощущала лишь растерянность и смутное счастье: сквозь сон мне почему-то подумалось, что это Сети пришла украсть меня.

Спасти от злой судьбы. Пускай я не вернусь домой - путь к родным мне навсегда будет закрыт, но я хотя бы не стану тенью при чужом дворе. Раз уж даже моя сестра сумела договориться с эльфами, то и я с этим справлюсь.

Будет война. Пускай!

Какая вообще мне разница, что случится со страной, отдавшей меня этому чудовищу? С отцом, на чьих глазах меня унижали? С матерью, так легко отказавшейся от своей примерной дочери?

Только Сети и есть до меня дело. Только она меня любит. Лишь когда запылали шатры и зазвенела сталь я окончательно проснулась.

Эльфы были слишком трусливыми, слишком тонкокостыми для честной рубки. Они любили стрелы, любили пырнуть кого-нибудь кинжалом со спины. Не это. Не так как здесь.

Я заорала. Мне в рот запихнули тряпицу, отдающую потом и прогорклым жиром. Меня слегка придушили, чтобы меньше дергалась в чужих руках.

Со стороны костров в моего похитителя врезался Шамих. Мой защитник сражался яростно, но умер быстро. В отчаянной попытке вырвать меня из чужих лап Шамих не заметил подошедшего со спины копейщика.

Копье ударило ему в спину, пробило легкий кожаный доспех и вдавило Шамиха в меня. Он закашлялся кровью прямо на мою шею и грудь. Я с ужасом глядела в глаза умирающего, пока сжимающий меня разбойник не побежал вперед.

Чуть позже - стоило нам скрыться за деревьями, мне связали руки и ноги, бесцеремонно вздернув платье едва ли не до плеч. Я захлебывалась рыданиями, болтаясь на плече убегающего мужчины. Ониксовая империя больше не пугала меня. Теперь-то я понимала, что существуют вещи значительно хуже.

Меня тащили несколько часов, пару раз передавая между собой. Я давно перестала брыкаться и биться, но идти сво-

ими ногами мне все равно не предлагали. Догадаться кто и зачем похитил меня по коротким разговорам мужчин не выходило. Зато я прекрасно поняла, что мы углубляемся в болото. Похитители не стали завязывать мне глаза, не предполагая, что я сумею даже просто вырваться из плена, не говоря уж о том, чтобы запомнить дорогу.

Они были правы. Я попробовала было следить за тем, куда мы двигаемся, но лес вокруг был таким одинаковым, таким неприметным. Невысокие и чахлые деревья, везде одинаковые кусты, редкие сосны, тоже не сильно-то отличаются одна от другой. И топь, провалиться в которую легче легкого.

Я скорее попыталась бы удушить себя собственным поясом, чем решила бы бежать сюда.

Через несколько часов мы добрались до разбойничьего лагеря. Постройки - пять бревенчатых хижин, не были спрятаны или укреплены. Болота, в которые нужно было углубиться, служили им достаточным укрытием.

Меня занесли в один из домов - самый крупный, как мне показалось. Очаг горел в центре комнаты, не столько для тепла, сколько для приготовления еды. Запах булькающей похлебки даже мне показался бы соблазнительным в иной ситуации. Окна были распахнуты. Человек в комнате был всего один и сейчас он строгал зелень для супа. Остро пахло чесноком, дымом и псиной. Пара крупных, мохнатых собак с песчано-бурой шерстью лежали у двери. На вошедших людей они подняли головы, но не стали ни лаять, ни вставать

на лапы.

Меня усадили на стол и вытащили изо рта тряпку.

Мужчина неопределенного возраста неприятно улыбался, скрестив на груди руки. Еще четверо стояли позади. Все заросшие, все грязные, все одеты так, будто недавно ограбили божий дом. Только по росту, полноте и цвету волос этих чудовищ и можно было бы различить. Тот, что стоял ко мне ближе всех, был низким, слегка полноватым и наполовину седым. Разбойник криво улыбался щербатым ртом. Когда он ухватил меня за подбородок заскорузлыми пальцами я дернулась и укусила его изо всех сил.

Мужчина закричал, не ожидая от меня такого взбрыка. Я, если честно, и сама поразилась поднявшейся во мне отчаянной злости.

Расплата пришла мгновенно в виде оплеухи, едва не скинувшей меня со стола. Щека и губа вспыхнули ослепительной болью. Вторая пощечина прилетела с другой стороны. От нее я покатила на пол, вдобавок ко всему ударившись плечом о земляной пол.

- Дрянь придурочная, - ругнулся похититель, - а Лис говорила, что ты смирная.

"Лис", - подумала я, - "служанка. Вторая. Та, которая молчала во время нападения".

Не похоже чтобы от меня ждали ответа. Сети закричала бы что-нибудь оскорбительное, ужалила бы словами, раз уж не может ударить. Она делала так всегда, даже если знала,

что за ее проступком последует наказание.

Я молчала. Мне хватило и первых двух пощечин.

Поднимать меня с пола разбойники не спешили. С несколько десятков минут я слушала их обсуждения практические донельзя: кто вынесет меня из болот? Как без шума добраться до порта? Побрить мне волосы налысо или покрасить, чтобы не было вопросов во время плавания? Какой аукционный дом даст больше денег за рабыню от Старой Крови и не стоит ли рискнуть поискать покупателя самим?

В зал подходило все больше людей. В основном мужчин, но были и две вооруженные женщины. Одной из последних, в компании раненого разбойника, вошла моя бывшая служанка. Глянув на меня без какого-либо сочувствия Лис начала ухаживать за ранеными.

Я вспомнила как аккуратно и бережно она разминала мои затекшие ноги и плечи. Вот же дрянь.

Хотелось плакать, но это было бы слишком унижительно.

Когда повар начал разливать похлебку по мискам, главарь, ударивший меня недавно, приказал меня увести. Его подручные перетащили меня в другой домик - склад, судя по всему. Среди грязных мешков, пустых ящиков и каких-то кулев мои руки привязали к опорному столбу за моей спиной. Я могла сидеть и даже лежать, хотя и в слегка болезненной для рук позе. Если постараться, то я сумела бы встать. Но и только. Накидав мне тряпья - не то одеял, не то просто отрезков дешевой ткани, меня бросили в одиночестве.

Я села, вытянув все еще связанные ноги и слегка застонала, закачалась вперед-назад, баюкая свою боль. Саднило лицо, шумело в голове, болело тело, с которым совершенно не ласково обращались по пути сюда. Мерзкий привкус стоял во рту. Вдобавок ко всему ночь была холодной. Сидя без движения я быстро продрогла.

Забрать меня отсюда навряд ли сложнее, чем из имперского обоза? Сети со своим эльфом такое сумеют? Они вытащат меня, верно? Моя жизнь не может закончиться в рабстве!

Я пыталась подумать о побеге. Подергала руки, лишь ободрав кожу о веревки. Поднялась на ноги и попробовала снова, но результат получила тот же. Теперь болели еще и запястья. В добавок ко всему головной убор потерялся где-то в суматохе и на моих плечах лежали растрепанные волосы. Какой позор. Какая разница?

Что еще можно сделать в этой ситуации я не знала. Принцесс не учат сбегать из лагерей разбойников - нам подбирают охрану, должную этого не допустить! Проклятый Шамих, не справившийся с моей защитой... Подпустивший ко мне подставную служанку... Почему отец не настоял на том, чтобы отправить со мной наших слуг? Почему меня не сопровождал дядя? Магу вроде него не составило бы труда отбиться от разбойников. Почему меня бросил мой муж?

Почему все они допустили это?

Я села обратно и начала всхлипывать. После рыданий, со-

трясавших меня по дороге, сил на настоящий плач уже не было. Мой подбородок мелко подрагивал, горло сжималось, а из глаз текли редкие слезы.

Почему все они допустили это? Разве я вела себя плохо? Почему это происходит со мной?

Потом я ощутила что-то странное. Будто воздух за спиной стал плотнее. Будто кто-то смотрел на меня из темноты.

"Собака", - подумала я вначале.

Потом кто-то коснулся моей руки.

Я тонко вскрикнула и этот кто-то прошептал мне на ухо:

- Тссс. Не дергайся.

Веревки перестали меня удерживать. Медленно, боясь, что незнакомец ударит меня за резкие или неправильные движения, я убрала руки из-за спины и потрогала запястья. Стерты до крови. Больно.

Не знаю должна ли я была сказать что-то. Мне тяжело было думать. Я слишком устала. Слишком боялась. Мне было слишком больно.

Пришелец, из ниоткуда возникший за моей спиной, поднялся на ноги и подошел к двери сарая. Это был человек. Выше меня примерно на голову. Худощавый. Одетый в темные, неброские одежды. Что-то наподобие шароваров и укороченного кафтана, перехваченное на поясе широким поясом.

- Подожди меня здесь, - сказал незнакомец сухо.

Я взяла на себя смелость послушаться приказа. Стоило две-

ри за ним закрыться как я сразу же потянулась распутывать веревки на своих лодыжках. Задача оказалась сложнее, чем мне казалось - подцепить узел в темноте никак не выходило, только ноготь, кажется, сорвала. От беспомощности и боли к глазам снова подкатили слезы.

Света за окном стало заметно больше. Желтого, оранжевого, бордового...

Я оставила путы в покое. Поднялась, опираясь на столб, и допрыгала до двери на связанных ногах. Привалилась к двери и взялась за ручку, толкнула вперед с шумным выдохом. Я готова была увидеть практически что угодно.

За дверью, буквально в полутора метрах от меня, слабо мерцала вытянутая вверх полусфера. Желтоватая и слегка мутная она была похожа слюду, какой закрывают свои окна бедняки. Полусфера полностью накрывала большое здание, где пировали бандиты.

А то уже начинало гореть.

Незнакомец стоял у края полусферы и смотрел внутрь слегка склонив голову на правый бок. Он обернулся на открывшуюся дверь и посмотрел на меня с сомнением. Затем едва заметно пожал плечами. Я выпрыгнула наружу. Он хмыкнул и присел рядом, снимая с моих ног веревки. Под его руками те расплзлись гнильем за считанные секунды.

Маг. К добру или к худу, но незнакомец был магом.

Эльф обнадежил бы меня больше.

Бандиты начали выбегать из здания. Свободного места

между стенами и сферой было немного. Не более полутора метров в самой далекой точке и куда меньше в остальных. Спасти от жара это не позволяло.

Я потянула руку вперед.

- Не прикасайся, - одернул меня незнакомец, - под твоими руками она разойдется.

Я придержала пальцы. Затем неохотно опустила руку.

Бандиты кричали, судя по открывающимся ртам. Кто-то пытался пробиться сквозь сферу, кто-то кидал влажную землю за горящее дерево. Все здание полыхало и внутри явно была та еще печка, но, почему-то, во мне было ни капли сострадания. Смотрела, словно замороженная и не чувствовала совершенно ничего.

Когда несколько человек превратились в пылающие факелы, а другие начали пихать их обратно в горящее здание - неясно, ярко горящее, для стоящего на мокром болоте - только тогда я отвернулась.

- Тебе стоило подождать меня внутри, - сказал незнакомец сухо. Я перевела взгляд на него.

Вытянутое лицо, пухлые губы, ямочка на подбородке. Загорелая, гладко выбритая кожа. Красивый подборок, правильной формы нос. Слегка раскосые ореховые глаза. Блестящие русые волосы, свободно лежащие на плечах. Оливковая кожа, ровная и чистая.

Хотелось верить, что он пришел спасти меня. Ониксовая империя больше не казалась мне таким уж ужасным местом.

Я готова была ехать туда и благодарить богиню за милосердие, если альтернативой было рабство.

Но мысль о том, что маг может быть просто другим бандитом, услышавшим о "товаре" раньше планируемого, сжимала мое нутро ужасом.

- Хочешь спросить что-нибудь? - прозвучало с оттенком насмешки.

Я покачала головой.

Конечно же я хотела. Конечно же мне не хватит смелости. Незнакомец вздернул бровь.

- Поразительно насколько ты не любопытна.

Теперь в его голосе звучало неприкрытое презрение.

Я вздрогнула от это тона. Прижалась спиной к стене сарая и сползла по ней на землю. Уткнулась в колени лбом, чтобы не видеть происходящего за сферой. Беззвучной агонии заживо сжигаемых людей.

Да уж, когда боги одаривали души милосердием мой "спаситель", явно выклянчивал вторую порцию магического дара.

Да и я сама ничем не лучше. Мне не было их жаль. Только мерзко, будто передо мной одного за другим давили опарышей.

- Я боюсь, что твой ответ мне не понравится, - сказала я тихо.

Незнакомец сел рядом и приобнял меня за плечи. Я вздрогнула и попробовала отстраниться, но он удержал ме-

ня силой. Силы потребовалось немного. Я сдалась и застыла в его руках каменным изваянием. Коснувшись моей щеки своей, он прошептал мне на ухо мягко, успокаивающе, будто говорил с напуганной собакой. Или ребенком.

- Не бойся. Я здесь по приказу твоего будущего мужа. Я заберу тебя отсюда и верну к охране. Я не враг тебе и не желаю зла.

От этого голоса, этого тона такого заботливого и уверенного, я постепенно начала чувствовать себя в безопасности. Расслабив напряженные мышцы, я привалилась к своему спасителю, позволяя ему обнять меня и второй рукой.

Стало теплее. Я выдавила из себя робкую благодарность, незнакомец прикрыл меня сбоку своим кафтаном. Мы сидели так, пока пламя не начало угасать.

После этого он помог мне подняться. Тело, получившее небольшую передышку, ощущало себя хуже, чем до отдыха. Тяжелое, слабое, затекшее и побитое.

Мой спаситель смотрел на меня с сомнением. Взяв меня за подбородок, он поднял его странно знакомым движением. Задуматься об это мне, однако, не позволила усталость.

- Я телепортируюсь за помощью, а ты подождешь здесь.
- Нет. Не бросай меня одну.
- Я оставлю рядом с тобой чары.
- Пожалуйста...
- Ты можешь идти?
- Да.

- Тогда, - взял он меня за руку, своим телом загоразивая догорающее пепелище, - пошли.

Когда мы отошли на десяток метров мне в спину ударило теплом. Барьер рухнул. Ветер, дующий нам в лицо, милосердно уберег меня от соответствующих запахов. Не уверена, что я хочу знать, как пахнут сгоревшие люди. Даже несмотря на то, что в моей душе так и не поднялось к ним сострадания.

Дорога, которую мои похитители проделали за пару часов, у нас заняла почти четыре. Магия позволила моему спасителю найти верное направление и провести нас по болоту, но шли мы медленно. Я шла медленно. Незнакомец вставал на воду и не проваливался. Шагал по трясине словно по сухой земле. Он смотрел на меня с раздражением, иногда ругаясь, насколько проще ему было бы поднять меня в воздух, не будь я такой принципиальной. Его возмущения я сносила молча. Только голову ниже опускала и пыталась идти быстрее. Спотыкалась, путалась в мокром, ужасно тяжелом платье, но продолжала переставлять ноги. В какой-то момент в моей голове не осталось совершенно никаких мыслей, только тупое желание дойти уже хоть куда-нибудь. Гордость и странное упрямство, которого я не помнила в себе прежде, не позволили мне ни расплакаться, ни упасть под ближайшей сосной.

К концу дороги мой спутник, даже ботинок не промочивший, начал смотреть на меня с чем-то, отдаленно похожим

на уважение. Когда вдали показался наш лагерь солнце уже светило во всю силу. На свету осмотрев мое лицо и запястья незнакомец недовольно поцокал языком.

- Я немного умею лечить.

Я покачала головой. Желай я отказаться от веры и сделала бы это еще в лесу.

Ответом мне был вздох сожаления. К нам подошли солдаты. Незнакомец выпустил мою руку, но я вцепилась в него только сильнее.

Нет, только не снова.

Уверенность, что стоит мне позволить ему уйти, как опять случится что-то ужасное, затопила мое сознание. Нелогичный, иррациональный ужас. Животная паника. Незнакомец нагнулся к самому моему уху.

- Мне нужно осмотреться здесь. Не бойся. Я обещаю тебе, что все будет хорошо.

Я выпустила его после недолгого колебания. Не убежденная, не успокоенная и не утешенная, но наученная подчиняться мужчинам с достаточно уверенным голосом.

Незнакомец положил руки мне на плечи и усмехнулся.

- Я уже не надеюсь, что ты согласишься и поэтому представлюсь сам. Ты можешь называть меня Амин. Я вернусь вечером. Ничего не бойся.

Он ушел. Меня увели в мою карету. Оглядываясь по пути, я видела следы боя и пожара, но куда меньше, чем ожидала. Мне показалось, что моя охрана была не слишком-то компе-

тентна. Это не могло не вызвать во мне новую волну страха.

Их не разбил в бою более сильный противник. Они просто не справились с неожиданным нападением.

Кто сказал, что они справятся снова?

"Я легко отыщу тебя" - вспомнились мне слова моего жениха. Я даже не думала, что это понадобится так скоро. И Арон, должно быть, тоже не думал.

В карете даже кровь не замыли. Темное пятно на дереве и обивке лавки влажно поблескивало. Пахло железом.

Я накинула одно из покрывал на следы крови. Легла на свою дорожную постель прямо в мокром, грязном платье. Накрылась другим покрывалом. И заснула так быстро, как не засыпала никогда прежде.

Глава 5

Хотелось бы сказать, что с утра все это показалось мне дурным сном, но это, к сожалению, было не так. Я еще даже глаз не успела открыть, как подробности вчерашней ночи встали перед мысленным взором. Всплыли, я бы даже осмелилась сказать. Словно уродливые, раздувшиеся трупы поднимающиеся со дна озера. Меня пробило ознобом. Я лежала, сжавшись под покрывалом и пыталась понять, что же я теперь должна делать.

Вспомнились наставления бабушки.

Разумеется, привести себя в порядок. Что бы ни происходило вокруг, первое, что я должна делать - это заботиться о своем внешнем виде. "Ты же принцесса", - любила повторять бабушка, - "ты же часть императорской семьи."

Умыться, причесаться и переодеться без служанок оказалось непросто. Я умела ухаживать за собой - в детстве мы с матерью не раз бывали в уединенных монастырях, куда недопустимо было брать с собой слуг, но прежде мне не доводилось делать это в таких стесненных условиях. Я выглянула из кареты. В лагере было тише обычного - ни шума сборов, ни криков мужчин. Выходить на поиски воды для умывания в таком виде - грязной, нечесанной и побитой было неприемлемо. Пришлось обойтись малым. В карете было немного воды для питья - лицо и руки я умыла ей. Тело растерла смо-

ченным нижним платьем. Вычесала волосы от сора. Собрать их правильно я не сумела, но заплела тугую косу и спрятала волосы под чепцом. Затем надела простое походное платье.

Затем я попыталась пройти по лагерю. Растирание влажной тряпкой не заменяло мытья, под ложечкой сосало от голода, а в голове клубились вопросы. В идеале, мне хотелось найти Амина - рядом с ним я чувствовала себя спокойно и безопасно. Однако, принести мне завтрак и рассказать, что происходит вокруг, мог не только он.

Для начала я решила просто обойти лагерь. Мою прогулку прервал солдат до крайности озабоченного вида. Его одежда была неряшливой, лицо помятым, а глаза покрасневшими от нехватки сна. Совершенно не разбираясь в воинских званиях, я не понимала, какое положение он занимает здесь, однако, этого мне было и не нужно. Достаточно того, что я знала, какое положение занимала я. Я принцесса, а не пленница. И ему придется с этим считаться.

Когда солдат указал мне на карету и потребовал - он позволил себе чего-то требовать у меня - вернуться в нее, я вздернула подбородок чуть выше.

- Я принцесса земли, на которой ты сейчас стоишь. И будущая императрица той, куда ты держишь путь. Не тебе мне указывать.

Солдат стушевался, явно не ожидая такого отпора. Прежде я не говорила ни с кем кроме служанок и Шамиха, да и с ним предпочитала отмалчиваться. Я не бродила по ла-

герю, я не доставляла проблем. Идеальная принцесса. Чувствует ли он себя так, будто заговорила мебель?

- Ваше Высочество, мне поручено обеспечить вашу безопасность.

- Обеспечивай, - безразлично пожала я плечами, отворачиваясь и возвращаясь к прежнему курсу. Не став спорить со мной дальше солдат увязался следом.

Я прошла по лагерю, внимательно оглядываясь. Ночью после нападения тут явно не спали. Следы боя были убраны, палатки переставлены, обозы выстроены кругом. Костров стало больше. Солдаты, прежде праздно шатающиеся по лагерю, перекрикивающиеся и передающие друг другу бурдюки с алкоголем, теперь сидели у костров и общались негромко. Многие стояли у обозов и внимательно смотрели по сторонам. Вдали у леса мелькнули странные фигуры и я направилась к ним, желая проверить не померещилось ли мне.

- Ваше Высочество, вам нечего делать в лесу, - попытался возразить солдат, когда я вышла за круг обозов. Я проигнорировала его. Он широко шагнул вперед и вытянул руку, словно пытаясь ухватить меня за плечо. Я обернулась и посмотрела на него с вызовом.

"Был бы ты таким бдительным вчера и я не прошла бы через этот кошмар" - подумалось мне зло. Ошибка моей охраны - Шамиха, в первую очередь, стоила мне унижения, боли и страха, каких я не испытывала никогда в жизни. Я не собиралась более отсиживаться в карете, веря, будто эти люди

сумеют меня защитить.

- Только посмей меня коснуться и руки у тебя не станет.
- Ваше Высочество... - перешел солдат на тон почти умоляющий.

Я обошла его и продолжила путь. Удерживать меня силой он не посмел.

Мне не показалось. На деревьях действительно висели люди. Девять человек без следов насильственной смерти. Если, конечно же, не считать затянутые на шеях веревки.

При виде синих лиц и высунутых языков к моему горлу подступила тошнота. Мать не позволяла нам показываться на главной площади в те дни, когда там там кого-то казнили.

Я сглотнула, прежде чем спросить:

- Предатели?
- Дозорные, - неохотно ответил мне солдат, - те, кто дежурил вчера и два их непосредственных командира. Господин приказал повесить их.

А Амир времени зря не терял...

- Разбойников он сжег заживо, - поделилась я.
- В Ониксовой Империи, - неуверенно протянул солдат, словно сомневаясь нужна ли мне эта информация, - преступников часто оставляют в пустыне. Приковывают кандалами к каменным столбам и возвращаются через неделю.

Я промолчала и пошла обратно. Уже вернувшись в лагерь я обернулась к своему сопровождающему:

- Мне не принесли завтрак. Разберись с этим, - дождав-

шись кивка я спросила тем же приказным тоном, - когда мы выдвигаемся?

- Завтра с утра, Ваше Высочество..

- Почему не сегодня?

- Господин приказал подготовиться, перестроить отряды и составить внятный план, как мы планируем не допустить повторения вчерашнего инцидента. Он вернется сегодня вечером и все проконтролирует. Если он останется доволен, то мы выдвигаемся дальше.

- Ясно. Где он сейчас?

- Не сказал, Ваше Высочество.

"Он обещал вернуться вечером, а не охранять тебя круглосуточно", - попыталась я себя утешить. Вышло плохо. Без своего вчерашнего спасителя я больше не чувствовала себя спокойно.

- Хорошо. Подготовьте мне палатку, - приказала я.

- А карета, Ваше Высочество? - удивился солдат.

- Сожги ее. Там убили человека. Я не буду больше там спать.

- А как вы будете ехать?

Вопрос был хороший. Я умела ездить в дамском седле, но уже выяснила, что никто не взял на себя труд его прихватить. Держаться в обычном я не умела, но, навряд ли это было сложно. В конце концов, я могла ехать в повозке, хотя это и было до ужаса унижительно.

- Придумай что-нибудь, - пожала я плечами, переклады-

вая проблему на его плечи. Солдат поморщился, но не посмел спорить.

Обещание сестры казалось таким далеким, будто она никогда мне его не давала. Невольно подумалось что во вчерашнем происшествии были свои плюсы. Теперь, если я вдруг решусь сбежать с Сети, я точно не забуду снять и выбросить следящее кольцо Арона.

Картина заживо запекающихся людей - беззвучно кричащих, обреченно бьющихся в магический барьер, то и дело всплывала перед глазами. И лицо Амина, наблюдающего за ними с полным равнодушием.

Защити всех нас Алиа, если мы попадемся ему после побега.

Тем временем, солдаты принесли мне еду. Мужчина, увядавший за мной с утра, как выяснилось, был офицером - старшим, после всех вчерашних смертей. Звали его Жамал.

Не иначе как опасаясь за свою голову Жамал окружил меня всей возможной заботой. Он сам предложил согреть воды для умывания и охотно отвечал на вопросы о дальнейшем путешествии. По его приказу мне поставили палатку: не слишком чистую, пахнущую костром и алкоголем, но зато весьма просторную: в ней запросто могло разместиться шесть или даже восемь человек. В палатку перетащили мои уцелевшие вещи, даже отодрали чистую лавку, чтобы соорудить приподнятую над землей постель. Я поблагодарила Жамала и остаток дня провела в палатке.

Настроение было паршивым - вчерашние “впечатления” никак не хотели укладываться в голове. Стоило мне закрыть глаза, как страшные картины возникали перед мысленным взором.

Как долго теперь меня будут преследовать беззвучно распахивающиеся рты сжигаемых заживо? Или синие лица и вытянутые языки повешенных?

И Жамал и Амин были правы. Мне и в самом деле не стоило этого видеть.

Однако я, почему-то, не жалела.

Когда полог палатки распахнулся я подскочила словно ужаленная. Расслабленно и уверенно, словно в собственный дом, внутрь зашел мой вчерашний спаситель.

- Здравствуй, - поприветствовал он меня.

Я ответила легким реверансом. Пришелец кланяться не стал, лишь легко, словно бы слегка пренебрежительно, кивнул. Откровенно говоря, это было крайним хамством. Впервые мне пришла в голову мысль, задуматься о которой стоило вчера.

- Кто ты?

Амин подошел ко мне и сел на мою постель. Присутствие мужчины наедине с чужой женщиной, особенно незамужней, было категорически неприемлемым, но что мне терять после вчерашнего?

Молча проглотив возмущение я опустилась рядом.

- Слуга твоего будущего мужа, - ответил Амин вроде бы

серьезно, но с тенью улыбки в уголках губ.

“Это я слышала и вчера” - возмутилась я мысленно. Хотелось узнать что-то более существенное, но настаивать я решилась.

- Где ты был днем?

- Ты не единственное мое поручение, - ушел он от ответа.

- Магия пространства?

- Телепортация, - подтвердил Амин.

Редкое умение. Одно из тех, что недоступно даже магам Старой крови. Только сильнейшим заклинателям Ониксовой Империи.

- Я думала, что это редкий дар, доступный лишь величайшим магам.

Хитрая улыбка, возникшая на лице моего визави, словно бы без слов говорила "да, и что же тебя смущает?"

- Сколько таких во всей Империи? - продолжила я расспросы, чувствуя все больше и больше подозрений.

- Шестеро, если официально, - бросил Амин с легко читаемым подтекстом. Но, прежде, чем я успела задать очевидный вопрос, добавил сам, - меня в этом списке нет.

Я спросила осторожнее:

- И как же так получилось?

Амин пожал плечами и отвернулся, показав мне весьма привлекательный профиль. Не столь хищный, как у моего нареченного, не столь сухой. Хотя кожа насыщенно-оливкового цвета по прежнему не вязалась у меня в голове с высо-

ким происхождением.

- Не все могут пройти Лабиринт. Сами. Кому-то сил не хватает. Кому-то из тех, кому не достало сил, иногда везет встретить тех, у кого их в избытке.

Я молчала и, поразглядывая стену напротив около полминуты, Амин продолжил:

- Император помог мне сохранить мою жизнь взамен на обещания верной службы. Только ему. Дворянин, вошедший в лабиринт, признан мертвым. С тех пор я выполняю свою клятву под новым именем.

Я задумалась. Звучало странно, но, не зная обычаев другой страны, я не могла подловить его на лжи. Хотя и представить подобного в нашей Империи не выходило.

- Тебя никто не узнает в лицо? - спросила я очевидное.

Амин повернулся ко мне и чуть придвинулся, оказавшись совсем уж неприлично близко. Я замерла от неожиданности. Сегодня я дерзила солдатам, но лишь потому, что знала - мое положение безусловно выше. Когда беззастенчивую наглость начал позволять себе аристократ и могущественный волшебник я снова ощутила себя бессильной и напуганной девчонкой, а вовсе не гордой принцессой. Это злило.

- Я редко бываю на приемах. Использую иллюзии. Пока никто не узнал.

- Ясно, - справилась я с собой и отодвинулась подальше, - Расскажи мне о моем будущем муже.

- Человек он сложный, характер у него паршивый, - начал

Амин охотно, - но я не помню за ним беспричинной жестокости. Не усложняй жизнь Повелителю и он не станет усложнять ее тебе. Только и всего.

- Только и всего, - отозвалась я эхом.

Амин снова придвинулся ближе, слегка нависнув над мной. Взгляд изменился, став жестким и испытывающим. Я видела совершенно четко - он знает, что он меня пугает и он делает это намеренно. Мое тело повело себя привычным образом - я опустила глаза и сжала плечи, но разум, поддерживаемый тлеющей внутри злостью, был ясным. Амин подхватил мой подбородок пальцами и приподнял его вверх.

Теперь я вспомнила, что показалось мне странным вчера. Этот жест, один в один повторяющий жест Арона.

"Иллюзии, говоришь?" - поджала я губы силясь вспомнить все, что я знаю об этой магии.

Иллюзии никогда не бывают идеальными. Иллюзорная кожа не в полной мере повторяет движения настоящей. Мимика может быть запоздалой. Кожа может повторять не все неровности или плохо имитировать тени. Иллюзию можно перестать видеть, если в нее не верить. Но на меня, защищенную благословением Алии, это и так не должно работать. Разве не так?

На всякий случай я попыталась убедить себя, что лицо симпатичное передо мной было не настоящим. Ничего не вышло.

Амин, тем временем, заговорил. Тон: мягкий и вроде бы

дружелюбный, между тем, отдавал очевидной угрозой.

- Не строй против него козни, не участвуй в интригах, не распускай дурные слухи. Только и всего. Разве это сложно?..

Я снова вспомнила солдат, болтающихся на деревьях. Мне было страшно, я солгала бы если бы сказала, что я его не боюсь. Но после ужаса, пережитого вчера, я могла бояться и не замирать испуганной птицей. Вот когда меня начнут бить - тогда можно будет потерять голову от страха.

Чувствуя злость - черпая силу в этой злости, я заставила свое тело выйти из оцепенения. Я подняла руку и указательным пальцем уперлась в подбородок Амина. Чуть надавила, вынуждая его наклониться ко мне.

Мое сердце билось так отчаянно, будто пыталось вырваться из тесной грудной клетки. В ушах шумела кровь, но я заставила себя быть внимательной.

Кожа казалась нормальной. Она тянулась вслед за моим пальцем без тени неестественности. Тень, кстати, тоже казалась правильной. Не говоря уж о том, что мое прикосновение обязано было разрушить магию.

Мысль об обратной иллюзии - превращении Амина в Аро-на я забраквала так же быстро. Мы касались друг друга на балу. Пускай не лицо, но его руки я совершенно точно трогала. Кожа казалась нормальной и по цвету была чуть темнее, чем у Амина.

Я понизила голос.

- А если я отвечу неправильно, ты повесишь меня рядом

с теми солдатами? Или сожжешь заживо в этой палатке?

Амин фыркнул и отстранился, ответил будто бы обиженно.

- Нет. Разве я посмею поднять руку на будущую Императрицу? Тобой будет заниматься Повелитель лично.

- Как мило, - кисло улыбнулась я.

Я обхватила свои плечи руками. Пальцы дрожали, но я все равно считала, что могу собой гордиться. Своей смелостью.

Мужской добродетелью.

Я тяжело вздохнула. Добродетели, прививаемые мне с детства, оказались ложными. Мне придется измениться, если я хочу выжить.

Собеседник посмотрел на меня исподлобья и неожиданно улыбнулся.

- А мне говорили, что ты робкая и молчаливая.

- Ты хочешь, чтобы я была робкой и молчаливой?

Амин пожал плечами, словно бы отвечая "да какая разница, чего хочу я?" и спросил с намеком, которого я не поняла:

- А чего хочет будущая Императрица?

Я тяжело вздохнула. Сил выдумывать у меня уже не было и я ответила совершенно искренне, хотя и не на тот вопрос, который он мне задал:

- Домой.

- Твой дом теперь в Ониксовой империи, - снова придвинулся Амин ближе, но уже без давления и угрозы. Положив ладонь мне на руку он слегка напомнил кузена, моего

несбывшегося мужа, - не могу обещать, что тебе там понравится, однако, я уверен, что Император приложит к этому усилия.

- В самом деле? - уточнила я с вялым интересом.

- Безусловно. Женщины, довольные жизнью, доставляют гораздо меньше хлопот. Повелитель не любит хлопоты.

Он улыбнулся и я улыбнулась ему в ответ.

Мы поговорили о дальнейшем пути. Меня уже не устраивало ехать вперед вслепую, полностью полагаясь на компетентности своей охраны. Я в нее не верила. Не знаю к чему мне были лишние знания - слабая и беспомощная я все равно не сумела бы ни на что повлиять, но теперь мне хотелось хотя бы понимать, если что-то идет не так.

Амин сказал, что мы почти добрались до пустыни. Путь по ней займет несколько недель. Мы будем стараться двигаться от постоянного двора к постоянному двору - в пустыне каждый из них стоял на источнике воды, но иногда придется останавливаться среди песков. Не более двух раз подряд, как уверил он меня.

Оставшейся охраны, как пообещал мне Амин, было более чем достаточно для безопасного пути. Он передал Жамилу сигнальные таблички, позволяющие запросить помощи в крайнем случае. Телепортация, которой владеет Амин, позволит ему быстро добраться до меня практически куда угодно.

Звучало хорошо. Он говорил уверенно, он обладал выда-

ющимся могуществом. Смешно сказать, но, слушая его, мне снова захотелось расслабиться. Довериться. Переложить ответственность за свое благополучие на кого, кто позаботится о нем лучше.

Сегодня у меня уже не было сил с собой бороться.

Вскоре Амин ушел, опять оставив меня одну. Станный трепет в груди, что-то, чего не случалось со мной ранее, заставлял улыбаться, вспоминая его глаза, его улыбку и его ладонь, лежащую на моей. Возможно, это была безопасность. Спокойствие, которое он обещал мне.

И которое мог отобрать, но об этом я старалась не думать. Сейчас мне было хорошо. Баюкая это чувство внутри себя я сумела уснуть.

Глава 6

С утра я была приятно удивлена. После выволочек и угроз Амина, промотивированные болтающимися на деревьях дозорными, мои охранники в разы усилили бдительность. У моей палатки стояло двое солдат с оружием наготове. Я заметила дозорных за кругом обозов - сосредоточенных и внимательных, как никогда прежде. Костры горели не только внутри круга, но и в десятке шагов за ним - так к нам сложнее будет подкрасться, как объяснил мне Жамил. За прошедшие два дня солдаты срубили кучу деревьев для поддержания многочисленных костров. Я не знала как должен выглядеть настоящий военный лагерь, но была уверена, что сейчас мы напоминали его намного больше, чем пару дней назад. Вместо кареты меня усадили на лошадь и окружили пятеркой всадников. Ехать в мужском седле оказалось непривычно и неудобно, однако, не слишком сложно. Платье мешало и подкашивалось, обнажая голени, но я решила, что чрезвычайность ситуации прощает некоторую вольность в одежде. Тем более, что солдаты, как мне показалось, не обращали на мои ноги ни малейшего внимания. Смутно вспомнилось, что нравы простолюдинов всегда были свободнее. По их меркам я, возможно, и не делала ничего неприличного.

Сопровождали меня теперь не только в дороге. На длительных остановках двойка солдат всегда крутилась рядом,

оставляя меня одну лишь в собственной палатке. Очевидная проблема - невозможность искупаться на глазах мужчин, назрела в первый же день. Жамил, во всем остальном старающийся идти мне на встречу, стоял стеной на своем приказе: купаться в одиночестве я не буду. Ни мои возмущения, ни угрозы его не тронули. И стоило Амину, вернувшемуся вечером, войти в мою палатку, как на него вывалился ворох раздраженных претензий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.